

Валерий Брюсов

Новая эпоха во всемирной истории

Валерий Яковлевич Брюсов

Новая эпоха

во всемирной истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641961

Аннотация

«Балканская война как война союзников с турками, несомненно, закончена. Каковы бы ни были окончательные её результаты, явно, что господству турок в Европе пришёл конец. У них, по-видимому, ещё останется небольшая территория на Балканском полуострове, сохраненная им соперничеством держав между собою. Но значение Турции как европейской державы отныне может считаться уничтоженным...»

Содержание

1	5
2	10
3	13
4	17
5	21
6	24

Валерий Брюсов

Новая эпоха

во всемирной истории

По поводу балканской войны

Балканская война как война союзников с турками, несомненно, закончена. Каковы бы ни были окончательные её результаты, явно, что господству турок в Европе пришёл конец. У них, по-видимому, ещё останется небольшая территория на Балканском полуострове, сохраненная им соперничеством держав между собою. Но значение Турции как европейской державы отныне может считаться уничтоженным.

Политики могут с своей точки зрения оценивать причины и поводы заканчивающейся войны. Для историка – она только новый этап многовековой борьбы европейцев с турками и монголами. Или даже более того: только новый пример той борьбы рас и культур, которую история наблюдает на протяжении десятка тысячелетий. С этой, исторической точки зрения мы и хотим взглянуть на балканскую войну.

1

В течение долгих тысячелетий на земле было несколько совершенно обособленных очагов культурной жизни, развивавшихся вполне самостоятельно. Даже оставляя в стороне «Древний Восток», мы видим это и в истории собственно Европы. Мы знаем обособленную жизнь древне-греческого мира, который считал, что он окружен океаном «варварства», знаем длившуюся более столетия борьбу Лаконии с соседней Мессенией, тридцатилетнюю войну афинского союза со спартанским, жестокую борьбу Фив с Афинами, бесконечное соперничество маленьких эллинских городов-государств. Позднее, когда Эллада была вовлечена в сферу, так сказать, мировой истории, когда горизонт её политических деятелей включил в себя Персию, Египет, южную Италию, всё ещё чуждой ей оставалась «возрастающая мощь» молодого Рима, а тем более судьбы кельтских племен в Галлии или распри жителей отдалённой Британии. Даже для всемирной империи римлян круг мира, *orbis terrarum*, был весьма ограничен. Борьба с парфянами и их преемниками новоперсами, договоры с царством аксумитов, неудачные походы в глубь северной Африки да торговые сношения с Индией и Китаем – вот весь мировой кругозор римлянина времен империи. Хотя Рим и отсылал своё золото, и в громадном количестве, на Дальний Восток в обмен на шёлк,

пряности и ароматы, но, в сущности, Индия и Китай жили совершенно обособленной жизнью, не испытывая никакого влияния римской культуры. Ещё обособленнее развивалась, как бы не существовавшая для римского мира, Америка, где медленно совершалось возрастание империи перуанцев и майев, позднее сокрушенных ацтеками. Точно так же обособленной жизнью жили народы южной Африки и Океании.

Эпоха средневековья только увеличила эту разобщённость народов. Опять начались войны не только между отдельными племенами, но между отдельными городами и даже отдельными рыцарскими замками. Германия, Франция, Италия стали только географическими названиями: внутри страны каждая область жила самостоятельной жизнью и враждовала с соседней. Дальний Восток был совершенно потерян из виду, и цивилизация на берегах Жёлтой реки продолжала идти своими самобытными путями. Мы знаем, что так продолжалось до самой эпохи Возрождения. Лишь к концу XV века обозначилось в Европе несколько замкнутых государств, объединивших в себе целые народности.

Эпоха великих открытий вновь показала европейцам, как обширен мир. Испанские, португальские и голландские корабли достигли берегов Нового Света, обогнули мыс Доброй Надежды, поплыли основывать колонии на Цейлоне и Малабаре, появились близ устьев Янцеканга. Походы конквистадоров на время связали Европу с Америкой.

Но скоро все эти связи как бы оборвались. Европейцы получали товары из этих своих ост-индских и вест-индских колоний, посылали туда своих губернаторов, но Европа, Азия и Америка продолжали развиваться самостоятельно. Америка, понемногу свергнув европейское владычество, зажила своей собственной, нам мало известной и мало понятной жизнью. Ещё в течение всего XIX века отдельные очаги культуры продолжали оставаться разобщёнными. Европа жила одними своими местными интересами, оглядываясь на другие части света лишь постольку, поскольку это касалось её. Европейцы XIX века, словно древние эллины, считали себя окружёнными океаном варварства и только одну свою европейскую культуру истинной культурой.

Неудивительно поэтому, что весь XIX век наполнен соперничеством и войнами между отдельными европейскими государствами. Несмотря на всю общность и сходство культуры, французы при Наполеоне воевали со всеми соседями – с итальянцами, с немцами, с испанцами, с англичанами. Вражда племён кончилась, и нелепым казалось бургундцам идти походом на парижан, но не было ничего странного, что французы истребляют австрийцев. В конце века мы видим войну Австрии с Пруссией и ещё более страшную франко-прусскую войну, когда немцы не останавливались перед тем, чтобы осыпать снарядами осаждённый Париж, разрушая вековые сокровищницы общеевропейской науки и искусств. После этой войны вооружённый мир ещё тридцать

лет держал всю Европу под угрозой нового кровавого столкновения европейских народов, одинаково возросших на чернозёме, удобренном развалинами Римской империи.

Однако уже в XIX веке замечается и поворот в другую сторону. Народы Европы, хотя смутно, начинают чувствовать свою солидарность, общность единой для всех них культуры. Первой ласточкой новой эры можно признать ещё священный союз, образованный Александром I. Формально союз этот не удержался, но как бы сам собою возник «концерт держав», присвоивший себе право вершить судьбы европейских народов. В какие бы отрицательные формы он порою ни отливался, как бы ни искажался стремлением отдельных государств вести самостоятельную политику, – значение «концерта» и его влияния на европейскую историю последних десятилетий несомненно. Образование тройственного союза, а затем двойственного соглашения, перешедшего вскоре в соглашение тройственное, подтвердило стремление отдельных государств к действиям совместным и согласованным. Повторился в большем масштабе тот же процесс, который заставлял отдельные греческие города собираться постепенно вокруг союзов ахейского и пелопонесского. Параллельно этому в Америке была возобновлена доктрина Монро, открыто провозгласившего принцип «Америка для американцев», и великая северная республика приняла на себя защиту всех американских государств от европейских посягательств.

Такие явления недавнего прошлого, как три раза производившийся делёж Африки между европейскими государствами, совместный поход европейских отрядов на Пекин, учреждение гаагского суда, не говоря уже о почтовом союзе, о жевневской конференции, о литературных конвенциях, показывают, что солидарность между европейскими государствами упрочивается. В то же время такие войны как испано-американская, которая велась на двух океанах, как война с бурами, разыгравшаяся в южной Африке, как наша война с Японией, театром которой служили поля Манчжурии, намекают, что эпоха европейских войн кончилась, что наступает новая эпоха борьбы между материками и расами. Ещё четверть века назад европейские газеты довольствовались телеграммами из одних европейских центров. В наши дни нам уже необходимо знать, что вчера случилось в Нью-Йорке и в Пекине, каков урожай в Австралии и южной Африке. Есть известная и ещё недавно очень ценившаяся книга Ф. Шлоссера «История XVIII столетия». Несмотря на своё универсальное заглавие, она говорит исключительно о Европе. «История XIX столетия» будет явно неполной, а «История XX столетия» прямо невозможной, если в неё не будут включены события других частей света.

2

Что произвело такой переворот? Можно с уверенностью сказать, что главным фактором было усовершенствование путей сообщения. XIX век и XX век победили пространство. Железные дороги, транс-океанские стимеры, телеграфы, телефоны, автомобили и, наконец, аэропланы связали между собою страны и народы. То, что прежде было разделено многими днями или даже неделями пути, теперь приблизилось на расстояние одной или двух ночей переезда или по телеграфу на расстояние нескольких минут. Для чего прежде надо было предпринимать длинное и трудное путешествие, теперь составляет приятную забаву скучающего туриста. Титаники, более счастливые, чем их собрат, переплывают Атлантический океан в пять-шесть дней. Фантастическое путешествие героя Жюль Верна «вокруг света в восемьдесят дней» давно стало анахронизмом: действительность перегнала Филеаса Фогта. Из Лиссабона теперь можно ехать на берега Великого океана, не покидая железнодорожного вагона.

Одновременно с этим довершилось завоевание земли. Человек овладел, наконец, своей планетой. Ещё на атласах недавнего прошлого встречались слова: «terra incognita» или «внутренность Африки совершенно не исследована». Теперь таких мест на земном шаре не осталось. Ещё есть кое-где на земле (и то скорее в Азии, чем в Африке) местности,

если не неведомые, то мало исследованные; ещё довольно осталось работы географам и путешественникам; но в общем мы узнали планету доставшуюся нам в удел. Авторам фантастических романов, вроде Райдера Хаггарда, которые так недавно посылали охотно своих героев в центральную Африку, где, по их мнению, могли совершаться всякие чудеса, больше не найти на земле подходящего места действия. Таким романистам придется теперь переносить приключения своих героев, подобно Уэллсу, на другие планеты или, подобно Морису Ренару, в завоздушные сферы. Мы убедились, что на земле для их чудес места нет.

Истоки Нила открыты и обследованы. Стальные рельсы подошли к водопаду Мозиоа-Тунья. В глуши Анголы, где происходило действие «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна, есть бельгийские отели, первоклассные и второклассные. Новая железная дорога должна пересечь всю Африку с севера на юг. Такие же стальные иглы вонзились и в Малую Азию до самого Дамаска и Алеппо, и в пустыни Китая, и в американские льяносы. Английская вооруженная миссия вступила в мифическую Лхассу. Даже на оба полюса ступила человеческая нога, и на крайних точках, где сходятся все меридианы, водружены были знамена – знак торжества человека над его землей. Уже не обширным, а скорее малым кажется нам теперь наш мир. Мы готовы повторить восклицание Колумба, который достигнув берегов Америки, думал, что попал на восточные окраины Азии: «Il mondo ро-

со!» – «Мир мал».

Сцена всемирной истории расширилась до пределов всей земли. Обособленные центры культуры соприкоснулись. Сибирская магистраль связала Европу с Дальним Востоком. Быстроходные пароходы сделали одно из Европы и Америки. Вся земля спаялась в единое целое. Стало невозможным жить обособленною жизнью. События, совершающиеся на одном конце земли, невольно стали отражаться на другом. Товарообмен захватил все пять материков. Неурожай в России стал отражаться на торговле Австралии. Для германской промышленности стало важным состояние рынков в Китае и на Занзибаре.

Изменилась сцена, изменились и актёры. На безмерно разросшихся подмостках всемирной истории вместо карликов выступили великаны. Как прежде борьбу отдельных городов и племен сменила борьба народов, так на смену ей выступает соперничество союзов государств, целых рас и особых культур. Америка готова состязаться с Европой за мировые рынки. Жёлтые хотят отстаивать самобытность своей культуры и свою политическую самостоятельность от натиска европейцев. Ислам должен почувствовать, что пришла вторая пора борьбы креста с полумесяцем.

3

Гордая своими успехами, открытиями, изобретениями, завоеваниями, Европа давно употребляет слова «культура», «цивилизация» – в смысле европейская культура, европейская цивилизация. Европейцы словно забыли, что существовали другие культуры, другие цивилизации, ставившие себе иные задачи, оживленные иным духом, отличавшиеся иными внешними формами, в которые отливало их содержание: культуры эгейская, ассиро-вавилонская, египетская, греко-римская, византийская, майев, инков, ацтеков. Что такое культура? Это – сознательное отношение к жизни, к миру, к своему историческому прошлому; это – народное мировоззрение, выразившееся в быте. Отдельных культур может быть бесконечное множество, и не может быть единственно-истинной, единственно-подлинной, какой-то настоящей культуры. Разве самый дух, например, Ассиро-Вавилонии не был иным, чем дух ново-христианской Европы? Между тем бесспорно существовала особая ассиро-вавилонская культура, оказавшая огромное влияние на всю древность и даже на нашу современную культуру. Разве теперь культура Европы и Дальнего Востока не противоположны друг другу по самой своей сущности?

История наблюдает смену и гибель различных культур, восстававших на земле в сиянии знания, религиозно-фило-

софского мышления, художественного творчества и, после ряда столетий возрастания, блеска, торжества и влияния, исчезавших навсегда. Какие же причины заставляют думать, что европейская культура окажется долговечнее всех прочих, – бессмертной? Культура христианской Европы моложе двух тысячелетий, тогда как египетская пережила своё четвёртое тысячелетие (а может быть, и дольше) и всё же, наконец, погибла. Конечно, мы остались победителями на большей части земного шара, но и ассирийцы торжествовали в своё время на большей части известного им мира и были сокрушены не какими-либо неизвестными племенами, а хорошо им известными и много раз ими побежденными мидо-персами. Ещё мы верим, что нам вручена религиозная истина; но религиозная истина была вверена и древним евреям, сохранившим лишь жалкие обломки своей культуры; византийская культура, не уцелевшая от падения, также была культурой христианского народа. В нашем сознании не укладывается мысль о гибели современной Европы и её культуры. Поучительно в этом отношении вспомнить пример римского поэта, который также не в силах был вообразить, что когда-нибудь перестанет существовать вечный Рим. Воздвигая себе памятник *aere perennius*¹, Гораций сулил ему существование *dum Capitolium scandet cum tacita virgine pontifex*, т. е.

¹ «Вековечней меди» (лат.) (пер. В. Брюсова).

пока в Капитолии

Ходит с безмолвною девой верховный жрец.

Скромный друг Мecenата, вероятно, не без колебания написал эти притязательные слова. Он не предвидел, что срок окажется слишком коротким, что стихи Горация переживут богов Капитолия.

Подступив к древним историческим народам Дальнего Востока, Европа вообразила, что её миссия – просвещать их. Между тем, Китай и Япония почитали себя в таком же праве цивилизовать Европу. Название «варваров», которое китайцы, подобно эллинам, дают всем иностранцам, не пустое слово. Народам Востока условия жизни европейского Запада кажутся именно «варварскими», чуждыми просвещения. Бесспорно, что за последнее время и японцы, и китайцы многое заимствовали у европейцев: парламентаризм, военный строй, костюм, пушки, броненосцы, аэропланы. Но изменилась ли от этого самая культура Китая и Японии? Эти внешние позаимствования можно сравнить с принятым у нас халдейским счетом 60 минут в часе, с халдейской же неделей в 7 дней, с индийскими (ошибочно называемыми арабскими) цифрами. Никто не считает по этому поводу, что европейцы заимствовали свою культуру у индусов и халдеев.

Как только, благодаря совершенству путей сообщения, мир Дальнего Востока тесно соприкоснулся с миром американо-европейским, стало несомненно, что мирное сожитель-

ство их невозможно. Между ними мыслимо лишь одно отношение: открытая война или скрытое соперничество. В открытой войне первоначально имели успех европейцы, которые в течение долгих столетий чуть не все силы своего ума устремляли на изобретение орудий разрушения и истребления и в искусстве военном достигли большого совершенства. Но в экономическом соперничестве с самого начала верх оставался за желтолицыми. Америка и Австралия должны были начать длящуюся до сих пор борьбу с нашествием китайских рабочих и японских промышленников. Японские изделия стали вновь отбивать только что занятые европейцами рынки. Наконец, война японо-китайская и русско-японская показали, что и в военном деле Дальний Восток быстро сравнялся с Европой. Теперь эти два мира стоят друг перед другом, и лишь второстепенные причины не дают воочию узнать, что наша последняя война была первой Пунической, первой войной нового Востока со старым Западом.

4

Эллин был гражданином своего города и часто смертельным врагом соседнего. Рим выработал новое понятие – *civis Romanus* (гражданин Рима (лат.)) – гражданин всего культурного мира. Это понятие, которое, благодаря связующей силе католицизма, смутно теплилось в сознании даже раздробленной, феодальной Европы, но которое почти угасло в период реформации, стало вновь возрождаться уже в век Просвещения. В наши дни оно приобретает новый смысл: гражданин культурной Европы, европеец. Против своей воли, стихийно, все народы, приобщённые к европейской культуре, пред лицом народов иной культуры начинают сознавать своё единство. Что ни говорить, мы очень далеки от тех времен, когда возможна была тридцатилетняя война между афинянами и спартанцами, причём, в ожесточении борьбы, победители отрубали правую руку у взятого в плен! Ещё недавно жители Венеции с гордостью говорили: «Мы – не итальянцы, мы – венецианцы». Теперь они это повторяют только в шутку. Даже французские мечты о реванше всё более и более делаются достоянием юмористических журналов. Нам, среди наших религиозных споров и религиозного безразличия, единство христианских вероисповеданий кажется фикцией. Но японцы, после Тюренченского боя поручившие похоронить тела русских православных солдат про-

тестантскому пастору, сами того не желая, обнаружили свой взгляд на христианскую Европу как на одно целое.

Переезжая через границу своей родной страны, европеец в Европе везде встречает приблизительно те же привычные ему условия жизни. Входя в первоклассный отель, можно позабыть, в какой стране находишься, – в Германии, в Италии, в Алжире или в Египте. Европейская литература постепенно становится международной, и каждое новое, чем-нибудь выдающееся произведение быстро становится достоянием читателей всех европейских стран (и европейских колоний). В России, в Германии, в Англии с одинаковым нетерпением ждут новой книги Анатоля Франса, Метерлинка, д'Аннунцио или хотя бы только Джека Лондона. Мы уже знаем писателей, которые имеют гораздо больший успех за границей, чем у себя дома. В победе газетного листа, завоевавшего последний век столь же решительно, как в XVII веке завоевал Западную Европу табак, есть и своя положительная сторона: газета ежедневно роднит нас со всем миром. Ежедневно в Париже, в Петербурге, в Вене, в Чикаго читатели за своим утренним кофе прочитывают приблизительно одни и те же вести.

Но параллельно этому объединению европейцев идёт за последние годы и объединение народов иных культур. Многовековая дремота Дальнего Востока была разбужена громом скорострельных пушек. Очнувшись от своего сна, китайцы и японцы увидели свои гавани в руках «белолицых

дьяволов», свою торговлю – захваченной европейскими купцами, которые к тому же непременно хотели навязать покупателям вместе со стальными изделиями и мануфактурами также свою религию. Оправившись несколько от первого потрясения, желтолицые решили дать насильникам отпор. «Азия для азиатов», – этот лозунг был провозглашен на нашей памяти. Гул японских побед пронёсся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашёл свой отголосок и в странах Ислама, почувствовавших, что борьба идёт с общим врагом. Первая, в новое время, открытая победа не-европейцев над европейцами, быть может, самое замечательное событие последних веков. Прискорбно, что многие могли не сознавать этого, что в Германии или Англии радовались поражениям русских, подобно тому как византийцы радовались когда-то победам турок над славянами.

История сохранила нам примеры борьбы между расами. Тогда как самые ожесточённые войны между родственными народами нередко разрешались в тесную дружбу (Россия и Франция, Пруссия и Австрия, Китай и Япония, Сербия и Болгария), борьба рас всегда вела к истреблению или порабощению одной из них. Взятие Вавилона Киром, разрушение Тира Александром и Карфагена римлянами – только разрозненные главы из истории борьбы арийцев с семитами. Борьба кончилась политической смертью семитов... В своё время борьба арийцев с монголами доходила до такой

ожесточенности, какой никогда не знали войны европейцев между собой. Завоевав Америку и Австралию, европейцы истребили их население; завоевав Африку, – обратили туземцев в рабов. Классическая страна равенства, Соединённые Штаты Северной Америки, до сих пор не хочет предоставить в общежитии равные права чернокожим. Англичане в своих восточных владениях никогда не сядут за один стол с туземцами. Племенную и расовую ненависть не могут победить никакие доводы рассудка.

Что же удивительного, что жёлтые и чёрные, вообще цветные, платят белым тою же монетой. Выражение «жёлтая опасность» успело опошлиться и принять комический оттенок. Но не случайно против неё предостерегали одновременно и прозорливцы, как Вл. Соловьёв, и просто сметливые люди, как император Вильгельм. В нашей японской войне хотели видеть результат каких-то тёмных «авантюр», забывая, что воля отдельных лиц и целых поколений ничтожна перед теми силами, которые управляют судьбами народов и государств. Последнюю балканскую войну многие также считают маленьким, «местным» делом. Это взгляд тоже легкомысленный. Эти две войны знаменуют собой начала «новой эпохи во всемирной истории». Будущему предстоит видеть вместо отходящих в прошлое войн между народами столкновения рас, культур, миров.

Grattez un europeen et vous trouverez un croise – поскоблите европейца и вы найдете крестоносца, говорят турки, переделывая известную поговорку о русском и татарине. Как ни далеко мы от идеи крестовых походов, угасших пять веков тому назад, но современность оправдала горькие слова турок. Борьбу креста с полумесяцем на наших глазах объявил один из христианских государей. После 400-летней совместной жизни турки всё же не вошли органически в состав Европы, остались в ней инородным телом. В то время как их сородичи, перенявшие христианство и европейскую культуру финны и венгры, стали равноправными членами европейской семьи народов, – оставшиеся верными исламу и своей народной культуре турки продолжают быть в Европе пришлецами. «Турки – не европейцы», таков бессознательный взгляд всех истинных граждан Европы, определённо выразившийся во время последней войны. И напрасно младотурки говорят на изысканном французском языке, напрасно они уморили голодом константинопольских собак, напрасно мечтали открыть в Стамбуле университет со всеми факультетами, напрасно совсем по-европейски устраивают дворцовые перевороты и свергают премьеров, – Европа не хочет признать их за своих. «Травой забвения» поросло поле при Азинкуре, забыты Аустерлиц и Тильзит, стирается память о недавнем

Седане, но Европа чудесным образом всё ещё помнит Варну и Косово поле.

«Европа для европейцев» – бессознательно этот лозунг вспомнился всем, едва четыре балканских государства начали свой крестовый поход против турок. Забыв выставленный принцип *status quo*, дипломаты одно время серьёзно обсуждали вопрос о полном изгнании турок из Европы. Между тем во время франко-прусской войны вряд ли кому-нибудь могла придти в голову мысль – стереть всю Францию с карты Европы. Турки, в глазах европейцев, остались завоевателями чужой земли, на которую в сущности не имеют права, хотя совершенно такие же завоеватели, в иных областях, – и Германия, и Австрия, и Россия. Общественное мнение Европы, за исключением отдельных голосов, было всецело против турок. Если сравнить помощь, посылавшуюся отовсюду красному кресту, с помощью, оказанной европейцами красному полумесяцу, окажется, что второй почти не было. И достаточно было болгарской армии подступить к Чаталджинским укреплениям, чтобы снова воскресли древние, четырёхвековые легенды. Многие, кажется, готовы были поверить, что едва болгары войдут в Константинополь и вступят в святую Софию, как раздвинутся стены храма и выйдет вновь священник-византиец, чтобы окончить чтение евангелия, прерванное четыре столетия тому назад при Константине Палеологе.

Константинополь, повидимому, остаётся в руках турок.

Но нет сомнения, что через несколько десятилетий, если не произойдет событий непредвиденных, он будет вновь обложен христианским воинством. Балканская война – лишь очередная глава в истории изгнания турок из Европы. Эта история началась осадой Вены, продолжалась походами русских на крымских данников Турции, победами Суворова и Румянцева, освободительной войной 1879 года. Мы присутствовали при одной из последних глав этой истории. Турки обречены на изгнание, подобно тому как мавры были обречены на изгнание из Испании. Сбываются мечты Потемкина, и близко исполнение пророчества поэта:

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенит Христов алтарь.

6

Война славян с турками – не простая распря двух народов. Опять, как в нашу войну с Японией, здесь столкнулись две культуры, две расы, два мира. Опять гул побед разносится далеко, веселя родственных славянам европейцев и вселяя уныние в мир ислама. Поражение турок живо чувствуют и в Персии (несмотря на всю враждебность персов к туркам), и в Египте, жаждавшем помочь единоверцам, и во всей северной Африке. Несчастья сближают, и раздробленный мир ислама опять начинает чувствовать себя единым. Падение Адрианополя, Янины, Скутари не забудется, как не забывалось Косово поле. Едва оправившись от понесённых поражений, ислам начнет мечтать о реванше, и эта мечта будет у него устойчивей, нежели у французов.

Давно прошло то время, когда о Востоке (ближнем) можно было говорить

Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой цenia.

Революция в Персии, революция в Турции, движение в Марокко, сопротивление, оказанное арабскими племенами итальянцам в Триполитании, – всё это показывает, что ислам проснулся. Он ещё не вполне пришёл в себя, ещё не вы-

свободился из-под тяжелой пяты европейцев, но уже собирает силы. Единство священного корана, общность алфавита, общность главных преданий, общность великих писателей прошлого объединяют его. Придёт час, когда ислам встанет на защиту своей религии и своей культуры, на борьбу с христианской Европой, притязающей быть самодержцем на земном шаре. Можно ли предугадать, какие неожиданные силы найдет в себе ислам, если мы не сумели предугадать сил обновленной Японии?

Панмонголизм и панисламизм – вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в чёрной Африке. Европейцы совершенно напрасно думают, что Африка – страна, которую можно безнаказанно грабить целые века и население которой в XX веке можно держать в положении рабов, как то делают бельгийцы в своем Конго. Мы скоро услышим ещё один лозунг: «Африка для чёрных!». Народы Дальнего Востока с их чуждой, непонятной нам культурой, мир ислама, объединённый общей верой, и мир чёрных – вот три ближайших угрозы европейской культуре. Гибельно будет, если грядущее столкновение с ними застанет европейцев занятыми, подобно русским князьям, своими «удельными» распрями.

Быть может, история ещё впишет в свои скрижали одну или две войны европейских народов между собой. Но то будут уже последние войны народов. Европе предстоит сплотиться перед лицом общих врагов всей европейской куль-

туры. Важно ли, кому будет принадлежать клочок земли, вроде Эльзаса-Лотарингии, Шлезвига-Гольштейнии, Скутари, когда под угрозой окажется всё, добытое двумя или даже тремя тысячелетиями культурной жизни. В опасности окажутся наши лучшие достояния, и Шекспир, и Рафаэль, и Платон, которых захотят заменить стихами Саади, картинами Утамаро, мудростью Конфуция. В опасности окажется весь строй нашей жизни, весь её дух, а перед такой угрозой все европейцы не могут не почувствовать себя гражданами единой страны, детьми единой семьи.

Возможно мечтать о «мире всего мира», и нельзя сказать, что такая мечта неосуществима. Но осуществима она лишь в очень отдалённом будущем. Раньше – истории, видевшей борьбу городов, племён и народов, предстоит видеть борьбу рас и культур. Нашествие Востока на Запад, возрождение ислама, объединение чёрных и падение Европы кажется многим слишком громадными событиями, не по нынешним «маленьким» временам. Они забывают, что именно неожиданное чаще всего и сбывается в истории. Разве правдоподобно было во времена короля-солнца, что русским казакам придётся вспоминать «у врат Парижа свой бивак», или во времена Карла V, императора священной римской империи, короля испанского и властителя обеих Америк, во владениях которого никогда не закатывалось солнце, что «американцы» будут бить испанцев при благосклонном нейтралитете всей Европы? Жителям феодальной эпохи должно было казаться-

ся, что времена больших централизованных государств миновали безвозвратно, как мы теперь уверены, что миновали дни мировых переворотов и настало время малых дел. История мерит тысячелетиями, а мы, маленькие люди, живущие десятки лет, никак не приспособимся к её масштабу. Издали надвигается нога великана, а мы, различая только его ступню, успокаиваем себя, говоря: «Великанов более нет, какой же это великан, где же его голова!». Пора нам поднимать глаза выше.

<1913>